

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЯ
ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ

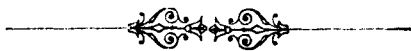
ЖУРНАЛУ „НИВА“

НА

1896 г.

ЗА

Май, Іюнь, Іюль и Августъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.

Изъ неизданныхъ стихотвореній Н. Н. Страхова.

Н. Н. Страховъ былъ не только глубо-
кій мыслитель по разнымъ отраслямъ зна-
нiя; онъ заявилъ себя и какъ поэтъ. Напе-
чатанныя имъ стихотворенiя собраны въ
книгѣ «Воспоминанiя и отрывки»; но
значительно большая часть ихъ осталась
въ рукописи.

Отличаясь мягкостью характера, сер-
дечностью и теплотою чувствъ, Н. Н. уже
въ ранней юности обнаруживаетъ и лю-
бовь къ поэзи, и неодолимую склонность
къ поэтическому творчеству. Судя по той

массѣ стихотворенiй, которыя относятся
именно къ молодости Н. Н., надо думать,
что литературную дѣятельность свою онъ
и началъ поэзiей, и что влеченiе къ ней
было у него вначалѣ даже преобладаю-
щимъ. «Изъ всего мiра умныхъ существъ
ни передъ кѣмъ я столько не благого-
вѣю, какъ предъ поэтами»,—писалъ Н. Н.
въ раннюю пору своей литературной дѣя-
тельности.

Первое сохранившееся стихотворенiе
Н. Н.—«Христосъ Воскресе!»—относится

къ началу 1844 года, когда ему было всего около 15 лѣтъ.

Оно начинается такъ:

Радуйтесь! Нынѣ воскресъ Христосъ, нашъ
Спаситель и Богъ нашъ!
Нынѣ Онъ тяжкія узы грѣха съ
человѣчества свергнулъ...

И кончается словами:

Радуюсь радости Вашей и искренно
вмѣстѣ желаю,
Чтобы она не скончалась вовѣки. —

Съ моей стороны-же
Всѣмъ, чѣмъ лишь только могу, постараюсь
впередъ доставлять я
Больше радостей Вашему чадолюбивому
сердцу.

Стихотвореніе это не помѣчено; но, несомнѣнно, оно относится къ указанному нами времени и возрасту Н. Н. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и самое стихотвореніе, но болѣе всего подпись: «Облагодѣтельствованный вами племянникъ»...

Очевидно, это стихотвореніе Н. Н. посвятилъ дядѣ своему, епископу Нааанаилу, на воспитаніи котораго находился и къ которому естественно питалъ чувство благодарности. Особенно же глубокую признательность долженъ былъ питать Н. Н. къ своему дядѣ съ весны 1844 года, когда стало извѣстнымъ намѣреніе Нааанаила взять его изъ Костромы, по окончаніи экзаменовъ въ духовной семинаріи, къ себѣ въ Петербургъ. Попасть въ Петербургъ—это было мечтой Н. Н., и въ своемъ дневникѣ онъ говоритъ съ необыкновеннымъ восторгомъ о предстоящей поѣздкѣ въ столицу. На первой же страницѣ дневника, помѣченной 1-мъ іюля 1844 г., онъ называетъ Нааанаила «моимъ первымъ благодѣтелемъ».

Нѣтъ сомнѣнія, такимъ образомъ, что стихотвореніе «Христосъ Воскресе!», написано подъ живымъ впечатлѣніемъ чувства благодарности къ дядѣ, вызваннаго предстоявшимъ переездомъ въ столицу, и, именно, могло быть написано къ Пасхѣ 1844 года.

Однако, поэтическое творчество не стало удѣломъ Н. Н. По всему видно, что стихо-

писаніе причиняло ему не мало огорченій, неудачъ и разочарованій. Неизвѣстно, когда и какому редактору писалъ онъ, напримѣръ:

«Милостивый Государь!

Долго я не рѣшался беспокоить васъ насчетъ моихъ несчастныхъ стиховъ; какъ ни краснорѣчивы жалобы журналиста («Совр.», июнь), но вы повѣрите, что мнѣ въ этомъ случаѣ еще тяжелѣе, чѣмъ вамъ. Притомъ, въ какое глупое положеніе я становлюсь, если не появля, что вашъ *въжливый* отказъ есть *рѣшительный* отказъ!» (подчеркнуто Н. Н.).

Въ этомъ отношеніи онъ такъ много переиспыталъ, что рѣшилъ даже написать «Исторію моихъ стиховъ». Можно только пожалѣть, что имъ написано лишь начало этой «исторіи».

Вотъ оно:

Исторія моихъ стиховъ.

Клянусь паденья горькой мукой,
Побѣды краткою мечтой...
Демонъ.

Я не могу теперь судить о моемъ дарованіи писать стихи; часто я впадаю въ горькое, мучительное сомнѣніе объ моемъ дарѣ, такъ же точно, какъ я иногда сомнѣваюсь во всемъ, что я можетъ-быть имѣю, но чего желаю больше и больше. И никогда такъ далеко не былъ отъ меня идеаль прекраснаго въ стихахъ, какъ теперь. Мнѣ кажется, такъ легко, такъ просто, такъ естественно должна возникать въ человѣкѣ истина и должны падать тысячи предубѣжденій, тяготящихъ надъ нимъ; но въ то же время я вижу, что человѣкъ до сихъ поръ такъ мало узналъ истиннаго и такъ много заблуждался. Невольно умъ мой боится какихъ-то препятствій невидимыхъ и сильныхъ, невольно убѣждается въ своемъ безсиліи, такъ что не довѣряетъ и тѣмъ инстинктивнымъ проблескамъ, которые иногда освѣщаютъ запутанный и безконечный лабиринтъ мыслей. Болѣе всего и чаще всего мнѣ кажется, что люди до сихъ поръ

не понимают друг друга, и что прежде чѣмъ приняться за развитіе въ душѣ истины, нужно дать болѣе ясности и очевидности ея выраженію. И это достижимо. Какая чудная картина иногда показывается мнѣ при свѣтѣ воображенія! Въ умѣ моемъ мелькаютъ, какъ тѣни, какъ образы, еще не конченные и не начатыя, цѣлые томы книгъ ясныхъ и безошибочныхъ, въ которыхъ все гармонически развивается изъ одной общей мысли, въ которыхъ каждая строка — мысль, каждое слово прямо вышло изъ ума и сердца, а не склеено по правиламъ логики. Я не знаю ничего лучше, ничего божественнѣе такихъ мечтаній. И какъ я далека, и какъ всѣ далеки отъ такихъ идеаловъ! Изъ всего міра умныхъ существъ, ни передъ кѣмъ я столько не благоговѣю, какъ предъ поэтами. Въ ихъ твореніяхъ больше истиннаго, нежели сколько есть во всѣхъ глубокомысленныхъ мечтаніяхъ философовъ; въ нихъ столько прекраснаго, а у философовъ такъ много безобразнаго и логическаго(?). Какъ странно! То, что такъ трудно выразить, такъ трудно обнять, эти незримые поэтическіе идеалы, мгновенныя и трепетныя, какъ молнія, чувства поэты передали намъ во всей ихъ прелести и полнотѣ. Они вылились изъ ихъ души, живыя и истинныя, какъ сама душа. А философы въ исканіи простой, безыскусственной истины, гдѣ нѣтъ труда для выраженія, столько надѣлали рогатыхъ словъ и силлогизмовъ, и истина сдѣлалась для нихъ отвлеченнымъ и мечтательнымъ бредомъ, который только они могутъ возбуждать въ себѣ, но котораго не знаютъ неиспорченные люди. Быть-можетъ, эта разность между поэзіею и философіею вышла отъ разности въ ихъ направленіи, которое, кажется, должно быть одно и то же. Философы искали истины не внутри, а внѣ себя;

поэты высказывали свою собственную душу, не стѣсняясь ни правилами логики, ни рогатыми словами. Они взяли свой родной простой языкъ и въ устахъ ихъ онъ принялъ всѣ оттѣнки ихъ сердечныхъ движеній. Можно сдѣлаться философомъ, потому что можно всякому болѣе или менѣе привыкнуть къ отвлеченію и къ логикѣ, но безъ естественно-мягкой души и упругаго дара слова нельзя быть поэтомъ. Поэтъ естественно получить и естественно выражаетъ свою поэзію; вотъ почему въ немъ такъ много истиннаго и прекраснаго»...

Изъ этого отрывка видно, какъ долженъ былъ относиться самъ Н. Н. къ своему поэтическому влеченію. Хотя въ началѣ статьи онъ и говоритъ, что не можетъ «теперь (время не помѣчено) судить» о своемъ «дарованіи писать стихи», что онъ «впадаетъ въ горькое, мучительное сомнѣніе» насчетъ своего дара, — однако рѣчь клонится, очевидно, къ тому, что путемъ самообразования скорѣе «можно сдѣлаться философомъ», чѣмъ поэтомъ. Чтобы быть *настоящимъ* поэтомъ, необходимы «мягкая душа (но эта черта вполне присуща Н. Н.) и упругій даръ слова», — природный талантъ, истинное призваніе къ этому рода литературной дѣятельности.

Если же Н. Н. не суждено было стать поэтомъ, то, критикъ по преимуществу, онъ выступилъ и прославился, какъ вѣрный, глубокій и тонкій истолкователь поэзіи (см. «Замѣтки о Пушкинѣ и другихъ поэтахъ» Н. Н. Страхова. 2-е изд., дополненное. 1897 г.).

Отодвинувъ стихописаніе на второй планъ и посвятивъ себя литературной дѣятельности другого рода, Н. Н. на всѣ свои стихотворенія смотрѣлъ потомъ, лишь какъ на «небольшія попытки художественнаго писанія. Къ этимъ попыткамъ, болѣею частію уже давнихъ лѣтъ, надѣюсь, — говоритъ онъ самъ: — читатели будутъ снисходительны и не станутъ подо-

зрѣвать во мнѣ большихъ притязаній. Въ душѣ поэтовъ творчество горитъ яркимъ пламенемъ, но искра такого пламени часто теплится и въ другихъ людяхъ» («Воспоминанія и отрывки» Н. Н. Стрехова. Предисловіе. 1892 г.).

Н. Н. Стреховъ, несомнѣнно, принадлежалъ къ такимъ людямъ и нѣкоторые

изъ неизданныхъ его стихотвореній, къ обнародованію которыхъ мы теперь приступаемъ, вполне это подтверждаютъ и вмѣстѣ съ тѣмъ могутъ послужить къ болѣе яркому освѣщенію личности покойнаго мыслителя. Мы помѣщаемъ эти стихотворенія въ хронологическомъ порядкѣ.

И. Матченко.

* * *

7-го декабря 1845 г.

Опять грущу, мой свѣтлый день
Прошелъ болѣзненно-тоскливо.
Такъ мчится облачная тѣнь
Надъ ярко освѣщенной нивой.
Сижусь и думаю объ ней.
Клубится дымъ, и вѣется, и играетъ,
И какъ мечты любви моей
Кольцо плыветъ и—исчезаетъ...

* * *

26-го декабря 1852 г.

Ich sah des Ruhmes heil'ge Kränze
Auf der gemeinen Stirn entweiht.

Шиллеръ. „Идеалы“.

Нѣтъ, ты не правъ, поэтъ высокій!
Обманутъ грустію жестокой,
Мгновенный блескъ молвы пустой
Ты принялъ за вѣнецъ святой.

Нѣтъ, на чело безъ знака Бога
Безсмертный лучъ не упадетъ.
Есть судъ неумолимо-строгий,
И, радуйся, тебя онъ ждетъ.

Въ глуши лѣсной, въ степной пустынѣ,
На полушаріи другомъ
Вонмутъ твоихъ рѣчей святынь
Въ благоговѣннѣи нѣмомъ.

И твой восторгъ и сердца муки
Народовъ жизнь переживутъ,
Твой вдохновенный ужасъ звуки
Изъ вѣка въ вѣкъ перенесутъ.

Любовь къ тебѣ, какъ пламень вѣчный,
 Согреетъ пылкія сердца,—
 Поймутъ всей глубиной сердечной
 Звукъ каждый милаго пѣвца.

О, если-бъ хотъ одно созданье
 Изъ глубины моей души
 Такъ покорило бы вниманье
 Хотъ чье-нибудь, вдали, въ глуши!

О, если-бъ близкихъ иль далекихъ
 Мой стихъ однажды поразилъ
 Какъ звукъ рѣчей твоихъ высокихъ
 Мнѣ грудь неожиданно возмutilъ!

* * *

2-го сентября 1856 г

Нѣтъ! затаи, поэтъ, свои порывы,
 Для всѣхъ запри святилище твое.
 Сердца людскіе безчувственны и лживы,
 Не довѣрай восторгамъ и любви;
 Ты всѣмъ чужой въ толпѣ ихъ злорѣчивой.
 Веди себя прилично, осторожно
 И причешишься старательнѣй, какъ можно.
 Будь гаеромъ, актеромъ иль шутомъ,
 Но берегись быть самимъ собою!

* * *

1856.

Когда-нибудь, читатель добрый мой,
 Когда затихнетъ боль воспоминаній,
 Когда смиритъ божественный покой
 И думъ мятежъ, и трепетъ пожеланій,
 Я расскажу октавой золотой
 Тебѣ всю немочь страдную страданій,
 Всю грязь, всю мерзость пошлости и зла,
 Все, чѣмъ душа испугана была.

Не къ этой жизни былъ я предназначенъ,
 Иной мечтой мой умъ обворожень!
 Блаженъ, въ комъ гнѣвъ до гроба не утраченъ,
 Кто до конца со зломъ не примирень.

Но стыдъ тому, кто злобою охваченъ
И умилениемъ кроткимъ не смягченъ,
Кому такъ сладко гнѣва трепетанье
И черной желчи злое закипанье.

Д а л е к о.

18-го ноября 1858 г.

Когда тебя замѣчу я неожиданно,
Коснется-ль уха сладкій звукъ рѣчей,
Или мелькнетъ узоръ на платьѣ странный,
Иль шелестъ рѣзвой поступи твоей,—
Я ожилъ весь; на образъ твой желанный,
Я устремленъ всей мыслию моею;
И весь горю я, чуть тебя замѣчу,
И весь я броситься готовъ тебѣ навстрѣчу.

И къ головѣ горячею волной
Прильетъ вся кровь изъ сердца молодого,
Ланиты вспыхнутъ розой молодой,
Глаза горятъ отъ счастья нѣмого,
Вся грудь согрѣта сладкой теплотой,
И жизнь свѣтлѣе неба голубого,
И твоего явленія привѣтъ
Мнѣ милъ, какъ свѣтъ очей, какъ юной жизни цвѣтъ!

Видала-ль ты, какъ изъ-за черной тучи,
Висящей въ небѣ ярко-голубомъ,
Когда уже промчался дождь сыпучій,
Вдругъ солнце глянетъ ласковымъ лучомъ,
Нежданнымъ блескомъ брызнетъ свѣтъ могучій
И обольетъ отраднымъ все тепломъ?
Такъ озаренъ я весь любовью жаркой,
Когда лицо твое въ толпѣ проглянетъ яркой.

И если полный томнаго огня
Твой взглядъ чарующій, какъ день прекрасный,
Ты наведешь лукаво на меня,
Въ глаза глядишь мнѣ пристально и ясно,—
Въ восторгѣ смутномъ потеряюсь я,
Тревогою томительной и страстной

Наполнится трепещущая грудь,
И какъ-то сладко мнѣ и тяжело вздохнуть.

Сгорая, кровь по юношескимъ жиламъ
Стекаетъ къ сердцу жаркою волной,
Въ томленіи мучительномъ и миломъ
Блѣднѣю я отъ радости нѣмой;
Мнѣ упоенье счастья не по силамъ;
Въ глазахъ моихъ туманенъ свѣтъ дневной
И въ воспаленной головѣ круженье,
И я готовъ упасть, дрожа въ изнеможеніи.

А я еще не говорилъ съ тобой,
Руки твоей ни разу не касался!
Что случилось бы тогда, скажи, со мной?
Какимъ бы чувствомъ весь я содрогался,
Какъ, жадной охвативъ тебя рукой,
Къ груди твоей припалъ бы и прижался?
Скажи, къ тебѣ тѣ мысли не летѣли,
Когда глаза твои въ мои глаза глядѣли?

О, нѣтъ! Я знаю, мысль твоя
Такой мечты нечистой не ласкала,
И ты была спокойнѣе меня.
Тебя мое волненіе привлекало
И, полные невольнаго огня,
Тѣ взоры, что къ себѣ ты приковала.
И нѣгой непонятною полна
Глядѣла ты сама, лукава и нѣжна.

Но можетъ-быть моихъ рѣчей смущенныхъ
Нестройный звукъ тебѣ бы не былъ милъ,
И жаркій взоръ моихъ очей влюбленныхъ,
Какъ дерзостью, вблизи бы оскорбилъ,
Исчезъ бы я въ толпѣ тобой плѣненныхъ,
И если-бъ у меня достало силъ
Тебѣ сжать руку въ страстномъ увлеченіи,
Ты вырвала-бъ ее, дрожа отъ отвращенія.

О, нѣтъ! Я знаю, ты была чиста
Отъ дерзкихъ и неожиданныхъ вожделѣній

Тебѣ иная снилася мечта,
 Порывы льстивые другихъ волненій,
 Толпы роскошной блескъ и пестрота
 И гулъ подобострастныхъ поклоненій...
 И трепеть мой, мой юношескій пылъ
 Тебя нечаянно, случайно поразилъ...

Къ ней.

29-го сентября 1859 г.

Прелестныхъ глазъ нѣмая рѣчи
 Давно прилежно я читалъ,
 Но долго ждалъ я милой встрѣчи,
 Но долго сердцемъ тосковалъ.
 Холодный блескъ и взоръ желанный
 Меня не грѣлъ и не манилъ,
 И вашихъ глазъ огонь желанный
 Невѣроятно былъ мнѣ милъ.
 Отъ вашихъ взоровъ, вашей рѣчи,
 Въ огнѣ и нѣгѣ грудь моя;
 Въ недолгій срокъ счастливой встрѣчи
 Надолго очарованъ я.
 Я увезу на сѣверъ дальной
 Раздумье сладкое о васъ;
 Въ тиши труда и въ залѣ бальной
 Я не забуду вашихъ глазъ.

На смерть брата Павла.

1861 г.

Съ чертами, смертью просвѣтленными,
 Передо мною ты лежалъ,
 И долго взорами смущенными
 Я въ смыслъ ихъ тайный проникалъ.

—
 На лбу, среди кудрей откинутыхъ,
 Какой покой и красота!
 И этихъ губъ, навѣки сдвинутыхъ,
 Какая дивная черта!

—
 Да, въ мірѣ злобномъ и поруганномъ
 Ты былъ лишь гость, а не жилецъ;
 И сердцемъ, жизнію испуганнымъ,
 Ты отдыхаешь наконецъ!

~~~~~